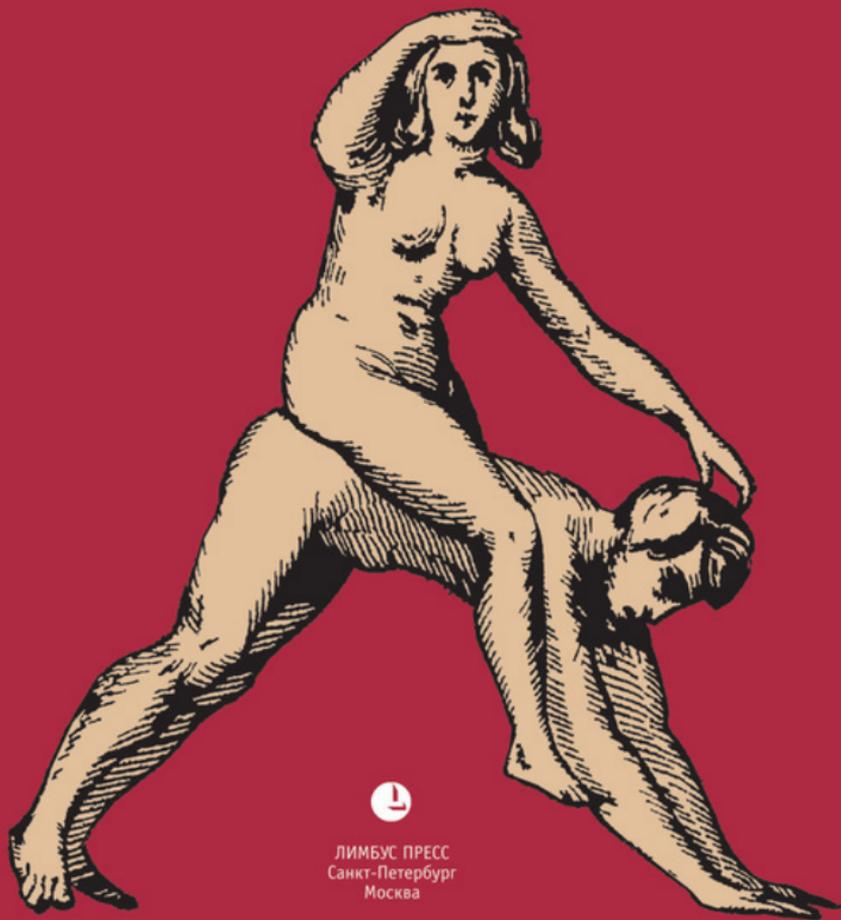

Татьяна Москвина

ВРЕД ЛЮБВИ ОЧЕВИДЕН

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург
Москва

Татьяна Владимировна Москвина

Вред любви очевиден (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7062622

Вред любви очевиден: Эссе, киноповести, рассказы: Лимбус Пресс; СПб.;

2006

ISBN 5-8370-0448-3

Аннотация

Татьяна Москвина – автор, хорошо известный российскому читателю. Писатель, публицист, драматург, блестящий эссеист – много литературных талантов счастливо сошлось в этом человеке. «Вред любви очевиден» – книга, в которой Москвина в полную силу демонстрирует все грани своей незаурядной одарённости.

Содержание

Отечественные записки	4
Раз, два, три – игра закончена	4
Присутствие духа	17
Как я развалила Советский Союз	21
Идиотки	25
Вольно!	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Москвина

Вред любви очевиден

Сборник

Отечественные записки
2005–2006

Раз, два, три – игра закончена

По отношению к романам Бориса Акунина и последующим экранизациям их у меня никогда не возникало сильных эмоций и очевидных мыслей – это для меня сфера досуга, что-то вроде раскладывания пасьянса. (А без эмоций откуда же взяться вдохновенным рассуждениям?) Акунин – конструктор: разложил литературу на составляющие и сделал из элементов деконструируемого принципа занимательности свою игру. Из русской прозы всех рангов Акунин черпает смелой рукой – в одном сочинении я обнаружила персонажей рассказов Всеволода Гаршина, художников Рябини-на и Гельфрейха, перенесённых из мест обитания в игру без всяких намёков или ссылок на их происхождение. Интерес-

но, что при этой операции – перехода из первородного художественного пространства в акунинскую конструкцию – гаршинские героини потеряли свою оригинальную прелесть, ту нервическую яркость и живость, которую им придавало перо автора, они сделались как будто вылепленными из воска, но при этом сохранили основной рельеф. Так, в общем, выглядят и все героини Акунина – восковые персоны или карточные символы, с нарисованными двумя-тремя чертами для опознания.

Но в одном герое, в Эрасте Фандорине, есть и ещё что-то сверх деловитой конструкции – вещество мечты, волнующей и самого автора. Он тоже собран из элементов, свинчен из механических деталей, но странным образом вдруг несколько ожил, точно на него упала капля чудодейственной воды. Разочарованный красавец с седыми висками, укрепляющий тело японской гимнастикой, а душу – усердным служением Отчеству, обладает редким для героя русской литературы свойством: он умеет владеть собой. Личный порядок против общественного хаоса, японская гимнастика как средство служения России! Хорошо и оригинально.

О том, что «фандоринские» романы Акунина чрезвычайно годятся для кинематографа, говорили давно. Да, в общем, трудно возразить, тут вопрос другой – для какого кинематографа? Ведь достаточно очевидно, что этот материал не ставит художественных задач, и все виды занимательности, применённые автором, кинематографу известны, отра-

ботаны им. «Игру в Россию» Никита Михалков придумал задолго до Акунина – ведь сценарий «Сибирского цирюльника» написан ещё в 1987 году, и уже тогда не блистал оригинальностью. Романы Акунина могли пригодиться массовому кинопроизводству, конструирующему свой принцип занимательности, – и как только оно возникло, они и пригодились.

Вначале была «Азазель» – и у автора, и у его интерпретаторов. В романе действует юный Фандорин, начинающий свой путь пока без японских вливаний и русской тоски и раскрывающий мировой заговор Ужасной леди. В телевизионном сериале режиссёра Александра Адабашьяна юного героя сыграл Илья Носков, а Ужасную леди – Марина Неёлова. Адабашьян, известный художник кино, не ведёт отчётливой жизни в области режиссуры кинематографа, но для пространства телесериалов его возможности вполне достаточны: «Азазель» проскочила в безмерный зрительский желудок, не причинив никаких неудобств. Любовь зрителя к царской России, отформатированной в поп-культуре, – фактор устойчивый. Другое дело, что сериал по Акунину возможен только малый, поскольку ни в одном романе автора (кроме последнего по времени романа «Алмазная колесница») нет развитой любовной интриги, матери всех сериалов. Десяти-, если не ошибаюсь, серийная «Азазель» казалась сильно растянутой.

Из этого сериала я не помню почти ничего, кроме улы-

бающегося (в предвкушении «Бригады»?) Сергея Безрукова (Бриллинг) и неопишуемого выражения лица Марины Неёловой (Ужасная леди), когда она, будучи разоблачённой, шептала: «Вот так-то, мой мальчик», глядя на юнца Фандорина откуда-то из глубин мудрого и горького опыта. Это вообще интересная проблема – сериалы и культурная память.

Сериалы производятся в большом, промышленном количестве и употребляются миллионами. Но эти миллионы ничего не помнят, поскольку потребление основано на хроническом и обязательном повторе, а память так устроена, что хорошо воспринимает различие и уникальность опыта, но не повтор. Человек не может вспоминать вкус лимонада, который пьёт каждый день, хотя это неотъемлемая частица его повседневной жизни. Недержание сериалов в культурной памяти естественно. Актёрская сериальная слава «по гамбургскому счёту» ничего не стоит, выветривается моментально. Что была «Азазель», что её не было – можно сказать и так. Но на деле «Первый канал» продолжал осваивать пространство массовой игры, и здесь «Азазель» была одним из этих осторожно-уверенных шагов.

В «Азазели» мы сразу встретим основной акунинский приём, который им не изобретён, но использован крупно. Главными злодеями у него почти всегда оказываются «наименее подозреваемые», как и положено, но соль в том, что им по роду занятий категорически запрещено делать зло: управительница благотворительного детского приюта («Аза-

зель»), честный скромный офицер («Турецкий гамбит»), высший полицейский чин, в титуле князя («Статский советник»). Это маски, за которыми скрываются бесы, и маски полностью противоположные лицам. Врачи-убийцы Агаты Кристи убивали по вполне ясным мотивам корысти и страха – но игра акунинских злодеев крупнее, им подавай власть над Россией, мировое господство, личная корысть неактуальна или раздута до непостижимых размеров. На карнавализацию зла, меняющего обличия, акунинский герой отвечает индивидуальным артистизмом – он отважно переодевается и притворяется для успеха действия, оставаясь самим собой, светлым и бескорыстным любителем чистой игры. Может быть, оттого он в мире автора награждён особой милостью Фортуны – страховкой, обязательным конечным выигрышем.

Этот мотив новый в мире занимательного. Фандорин – и это подчёркивается всякий раз – всегда выигрывает в любые азартные игры. Такой уж ему положен бонус от судьбы, и он соблюдается неукоснительно. Фортуна, которая, как известно, изменчива, коварна и неблагодарна, из ветреной любовницы становится верной женой. Ни при каких обстоятельствах бонуса у Фандорина не отберут. Личные заслуги тут ни при чём – *так назначено. Такое распоряжение.* В чём его смысл? Исключительно – в существовании игры, которую герой никогда бы не выиграл без страховки. Сколько ни наращивай мускулы и разум, миром правят злодеи, и без специ-

альной защиты Фандорину не сделать и двух шажков. Страховка героя – *conditio sine qua non*¹ самой игры, где добро имеет какие-то непонятные, не из него самого исходящие, дополнительные преимущества...

Вообще-то *это нечестно*. Старинная тяжба добра и зла долгое время велась по традиционной установке на отвязанность зла и правильность добра. Добро не должно было мухлевать, использовать грязные средства и коварные приёмы. Злу, разумеется, всё это было преспокойно разрешено. Когда добро проигрывало (примерно каждые 95 игр из 100), оно объявляло, что это и есть главный выигрыш. Постепенно игра пришла в упадок. Стало непонятно, что делать: разрешить добру тоже мухлевать? Пропадёт разница между игроками. Единственный выход из ситуации и есть тот, что придумал

Акунин – обратиться за помощью не к методам зла, а к древним богам, укрепить добро силой судьбы. Оно сможет выиграть не потому, что убедит кого-либо в своей чистоте и красоте (плевать в игре на эти нежности), а потому, что за неё встанет дракон Рока.

Просто так, как говорится, с дуба рухнувши, Рок не будет раздавать свои роковые привилегии. Эту привилегию может вымолить Автор для одинокого, отдельного, особенного, очень заветного Героя.

Стало быть, при попытках воплощения такого героя в кино, всё-таки ждёшь какой-то необычайности, яркости отпе-

¹ Условие, без которого нет (*лат.*).

чатка, особой привлекательности. Илья Носков, обаятельный и способный артист, такого букета нам не связал. Эстафетная палочка перешла к Егору Бероеву, сыгравшему Эраста Фандорина в картине режиссёра Джаника Файзиева «Турецкий гамбит» (2004).

«Гамбит» чуть долее продержится в культурной памяти, чем «Азазель», из-за новизны ситуации: вслед за картиной «Ночной дозор» он оказался в числе лидеров отечественного проката. Массовый зритель пришёл в кино и посмотрел не американский, а свой фильм. Это запомнится.

Всё понятно с этим кино – стиль «Первого канала», клиповая эстетика, да-да-да... И всё-таки следы жизни там существуют. Какая-то весёлая молодая энергия закодирована в фильме и передаётся весёлому молодому зрителю. Нет у меня желания его ненавидеть.

«Турецкий гамбит» – второй по времени «фандоринский» роман. Эраст Петрович там по-прежнему молод, хоть виски его и посеребрила седина встречи с «Азазелью» (имя демона и тайной организации, разоблачённой Фандориным ценой потери личного счастья). Он служит вольноопределяющимся на русско-турецкой войне, но правительство уже взяло его на заметку из-за выдающихся дедуктивных способностей.

Прямо сказать, этих способностей мы в картине не увидим. Фандорин весь фильм будет что-то пытаться угадать методом тыка, а в конце прибудет откуда-то с внезапной го-

товой разгадкой. Он очень симпатичен – милый паренёк, ловкий, загорелый, кареглазый, отзывчивый, никакой «замороженности». Егор Бероев славный артист, и, надеюсь, найдёт свою дорогу в искусстве. Он ничего не испортил в «Турецком гамбите» – да только это не Фандорин. Он слишком нормальный для него, такого парня можно встретить на улице, хотя он будет замечен в компании из-за своей очевидной половой привлекательности. Но для увеличения зрительского аппетита в картине собрана целая команда артистов, в этом отношении мало уступающая главному герою: тут и Балугев, и Куценко, и Башаров, и Певцов, и Краско, и Гуськов, так что на этом фоне Бероев несколько тускнеет.

Да и не в Фандорине дело – парни играют в войну, и девчонка им помогает, война идёт на Востоке (актуальная фактура), и «чужие» с лицом Гоши Куценко (Исмаил-бей) так же крепки и хороши, как «свои» с лицом Александра Балугева и Дмитрия Певцова. «Турецкий гамбит» показывает русскую армию в привлекательном виде – с заботливыми командирами и храбрыми солдатами, с подвигами и приключениями, с честью и отвагой, с галантностью и азартом, с попечением о дамах. Уже этого одного достаточно для успеха. Победить на Востоке, который неотвратимо побеждает в реальной современной России, – значит умело разбудить вещество мечты.

Но победителем в соревновании актёрских талантов в экстремальных условиях клиповой эстетики становится между тем Александр Лыков (Перепёлкин – он же таинственный

Анвар-эфенди). Пространства игры у Лыкова так же мало, как и у остальных, в ключевой сцене разоблачения ему следует всего лишь сменить маску, и из маленького, прилежного, нелепого офицеришки превратиться в турецкого генерала шпионажа. Однако Лыков делает это блистательно, с таким юмором, остротой реакций, точностью, обаянием, что самый простодушный подростковый зритель пришёл в восторг. Александр Лыков – артист с хитринкой, он бережёт свой талант. Прославившись исполнением роли мента Казановы (сериал «Улицы разбитых фонарей»), он вовремя покинул сладкий мир массовых грёз и занялся оригинальными театральными экспериментами. Два я видела и удивилась огромному потенциалу артиста, нещадно тратившего себя в моноспектаклях для ста зрителей. Лыков сберёт возможности внутреннего роста – кино «Первого канала» такого роста не предполагает. Оно использует лишь устойчивые маски и наработанный где-то вне его актёрский «вес».

О, как нужно ловко и умно крутиться артисту сегодня. Заработал в одном месте, потратил в другом, и массы нельзя оставлять без впечатлений от себя, и уходить к ним навеки опасно – потеряешь личность. В отличие от занятых в «Гамбите» звёзд, уже сильно надкушенных (или и вовсе скушанных) поп-культурой, Лыков выглядит свеженьким, владеющим собой и своим талантом.

Итак, вроде бы даже намечалась последовательность – две картины с молодым Фандориным подряд, хоть и с переры-

вом. Долго запрягали («Азазель» вышла в 1996 году, и почти сразу начались толки об экранизации), а доехали быстро. Игра началась, но тут же и закончилась: «Статским советником» режиссёра Филиппа Янковского (2005). Здесь появляется другой Фандорин, никакой связи с предшественниками не имеющий. Никакой алхимией Бероева в Меньшикова не превратишь – это другой герой.

«Статский советник», с его пустынной зимней Россией, населённой только властями и террористами, с величаво-гротескной фигурой крупного беса, Пожарского-Михалкова, с мрачной атмосферой преступного «фарта» буйных мужчин, истребляющих друг друга, – достаточно грамотный эквивалент акунинского романа. И Фандорин-Меньшиков вполне ладит с обязательной претензией на оригинальность, необычность героя. Он в большей степени Фандорин, чем другие, – и всё-таки это скорее щегольской и мастерский *силуэт героя*, нежели сам герой.

Не быть этому Фандорину мечтой очкариков, и ни одна категория зрителей не войдёт с ним в процесс идентификации. Элегантный, как идеальная модель, ироничный и брезгливо отстранённый от политической и всякой прочей грязи, Фандорин Меньшикова напрочь лишён внутреннего пламени. Он действует, ибо так положено богами сюжета, но его, кажется, не покидает изумление от самого факта своего участия в этом действии. Меньшиков никогда и не играл обыкновенных людей, и странность его Фандорина не наигранна,

не фальшива – он неподдельно странен, этот пришелец ниоткуда, ледяная марионетка рока. В то, что он может угадать три карты сряду, что его не возьмёт пуля и он не разобьётся, упав с крыши, веришь безоговорочно. В то, что он может увлечься аппетитной дамочкой, беспокоиться о судьбах Отечества и ненавидеть зло – нет. Этот черноглазый фантом не похож на друга человечества. Он здесь не по доброй воле. Его заставили...

Игровой мир «Статского советника» сумрачен и холоден. Здесь горит фальшивым бенгальским блеском великий лицемер и прохиндей Пожарский, хорошенькие женщины помогают террору чем могут, нарядная безжизненная зима выгодно оттеняет варварский азарт к истреблению, заложенный программой в основных игроков. Невозможно себе представить, чтобы в этом мире любили, варили варенье, слушали щебет птиц, гладили по шёрстке домашнего кота. Под стать миру и его герой – сумрачный, холодный, с блистательно отделанным «фасадом» – безжизненный «советник». Как полномочный представитель иного и притом явно высшего мира он знает, что «зло пожирает само себя», и этот закон неотменим – с загадочной, слабой улыбкой Фандорин напомним это князю Пожарскому, воображающему себя победителем. Пожарский Никиты Михалкова красочен и цветаст, но элементарен, это мономаниакальный тип, существо об одной идее, одной страсти (я главный), завёрнутое в карнавальное домино. Ненависть его к Фандорину основана на

соперничестве в игровом пространстве и презрении к методам противоположной команды, к «чистоплюйству», «нежности». Настоящих источников фандоринской силы он не чувствует, хоть и буквально поводит в картине чутким носом, вынюхивая опасность. А фандоринская сила в том, что он не от мира сего, – хотя князь опрометчиво полагает, что это слабость. «Я не дам вам победить, потому что вы – бес», – хладнокровно говорит Фандорин Пожарскому. Князь впадает в буйную насмешливость: и это все ваши аргументы? Да кто вам поверит, скажи вы, что обер-полицмейстер Москвы – бес? Да вас упекут в сумасшедший дом («самашедший» – ёрнически интонирует Михалков). Но герой и не собирается действовать в реальном времени – он элегантно самоустраняется и ждёт самовыполнения закона. Срабатывает, однако!

Игра, затеянная автором, в фильме воплощена без явных искажений. Русское измерение игры запутано и противоречиво, о чём и в романе, и в картине скажет Фандорин, – беда России в том, что добро здесь защищают подлецы и мерзавцы, а злу служат герои и мученики. Эта дикая рокировка парализует представителя высшего закона, находящегося в несколько сомнамбулическом состоянии от такого положения дел. Чтобы защитить добро, его ещё надо обнаружить, добыть из мутной русской взвеси, немного пообчистить и потом уже ему служить. А можно поступит иначе – отойти в сторону и подождать, когда зло пожрёт само себя, поскольку закон сбоек не даёт. Но самопожирание зла – это взрыв, и по-

сле каждого такого взрыва сильно уменьшается наличное вещество жизни вообще. В конце фильма размещены два финала: в одном Фандорин отказывается служить государству, в другом соглашается – как говорится, на любой вкус. Хочешь – играй, не хочешь – не играй, разница невелика.

Мало того, что фантомен герой, фантомно и пространство игры, та самая «Россия», о спасении/защите которой столько говорится в фильме. Здесь пусто и холодно, и никто, кроме полиции и бунтовщиков, не живёт. Даже энергичного вора (Козырь – Владимир Машков) приходится откуда-то импортировать – он приезжает из другого, более разнообразного пространства, а здесь воров нет – одни убийцы с интересными лицами. Кому здесь служить и что спасать?

Итак, думаю, что наладить с помощью Акунина творческое цветение кинематографа нереально, да никто и не собирался этого делать, впрочем. А вот разжиться игровыми методами у этого автора очень даже можно, но, видимо, на короткий срок. Странно даже представить, чтобы сейчас начали одна за другой выходить экранизации акунинских романов – «Смерть Ахиллеса», «Коронация»... зачем? Как будто всё ясно. В России акунинский проект достиг апогея и отцветает, но, конечно, если в игру вступит Голливуд (слышно было, что права на экранизацию Акунина приобрела компания Пола Верховена), она наберёт новые обороты – любопытно будет взглянуть.

Присутствие духа

Знающие Александра Секацкого обычно относятся к нему с большой иронической нежностью. Нежность естественно возникает из понимания: перед тобой редкое, драгоценное, ни на кого и ни на что не похожее существо – оригинальный мыслитель. Но именно поэтому ирония ставит бесполезную эту нежность на место в качестве декоративного приятного тумана, из которого грозной скалой выступает острое лицо, высеченное мастером человеческих фасадов. А там, за фасадом, живёт прекрасный и опасный, как старинное оружие, – дух, разум, *spiritus*. В случае Секацкого дух не отягчён материей душевности, – того, что в нас плачет, поёт, болеет, влюбляется, делает глупости, – а его тощая, лёгкая, *prospiritованная* плоть – не более чем рыцарские доспехи.

Я представляю его себе так: рыцарь идёт по ледяной пустыне, вызывает на поединок дракона, одинокий рыцарь – сам себе и Росинант, и Санчо Панса, и Дульсинея Тобосская; может стать, и сам себе дракон. На поединок никто не является, но рыцарь продолжает путь с удовольствием, по дороге пронзая копьём афоризмов всякую падаль. «Ну, и что тут у тебя такое?» – спрашивает он холодно и насмешливо у кривого, обременённого мира, потерявшего Дух воинственности. – «Как и чем ты теперь поживаешь?»

Он не живёт здесь. Он разглядывает формы испорченного

бытия бесстрашно и беспощадно – шпион, разведчик, номад с Других берегов.

Он – тот, «кто глядя вслед отливу божественного Логоса, сказал: “Я остаюсь” и услышал ранее никогда не слышанное “Без меня...” – как последний отзвук вещей глаголов». Мир украден Большим Вором и тотально подменён, его вещи фальсифицированы. Но где-то ведь есть платоновская пещера, где хранятся эйдосы, идеалы, чистые идеи вещей. Там есть невидимая фотография, неизмеряемое пространством время и неслышимая музыка – возможно, если до этого мира пока не добраться, то до него можно... додуматься. Думать, думать, и чугунная морда реальности возьмёт да и просквозит чистым воз-духом настоящей Софии, возлюбленной всяким настоящим фило-софом.

На лице Секацкого читается готовность оказаться в этом мире немедленно. Чудо петербургское! Сын военного лётчика Куприяна Секацкого, исключённый с философского факультета ленинградского Университета в середине 80-х годов за антисоветскую пропаганду и ставший нынче его доцентом и гордостью, он из тех достоевских людей, которым «не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить». Если бы я узнала, что Секацкий где-то как-то подшустрил для личной выгоды, я бы упала в обморок. Корыстной соображаловки в нём нет не просто так, а до степени изумления. Да ему и не нужен почёт от пластмассовой цивилизации – ему подавай золотую славу, на века.

Однажды я наблюдала такую сценку: господин Ля-Ля, ничтожный писака, стал вязаться к философу с дурацкими претензиями – дескать, а что это вы так непонятно пишете? (клевета! Секацкий пишет упруго и ясно, с немецкой основательностью и галльским острословием). Александр, спокойный, как удав, молвил: да-да, я читал вас, господин Ля-Ля, всё это понятно, техника сиюминутного реагирования... но где же ваша чаша Грааля? Писака поперхнулся, а общество покатилося со смеху – для господина этого «чашей Грааля» было корыто для свиней из интеллигенции, куда власти сливают помои (он его вскоре отыскал). Но я теперь всякий раз, когда бес мелкого толкает меня на убогое, повседневное существование в слове, вспоминаю Секацкого с его чашей. Он прав, двигаться можно и должно только вперёд и выше, гладить против шерсти, а играть по-крупному. Почему дух так унижен сегодня, а мыслители (в лучшем случае) загнаны в университетские резервации? А потому, что измельчавший и выродившийся мир не выдержит сколько-нибудь дружного духовного напора – развалится. Духовная угроза существует, целых несколько людей в России носят её в себе и кормят собой. Есть эта угроза и в Секацком. Он опасен – особенно для слабых умов.

На сегодняшний день познакомиться с уникальным мыслителем можно, читая его книги, из которых наиболее доступны: «Три шага в сторону» (Амфора, 2001), «Сила взрывной волны» (Лимбус Пресс, 2004) и «Прикладная метафизика».

зика» (Амфора, 2005). Читатель много получит за свои денежки – чего стоит хотя бы гипериздевательский «путеводитель по философии: версия Секацкого», блистательно раздвигаясь с мнимыми формами мышления в их идиотическом разнообразии. А сравнительный анализ поведенческих моделей сказочных антагонистов – Колобка и Пирожка! Древние утверждали, что божество опознаётся по запаху излучаемого им божественного озона – так и настоящий мыслитель узнаётся по чувству радости, лёгкости и особого наслаждения. «Холодное, лёгкое, чистое пламя победы моей над судьбой» (Ахматова). Вот и читая Секацкого, становишься лёгким, весёлым и холодным. Таковы ободряющие свойства присутствия духа – лучшего друга человечества.

Этот долговязый, сухопарый софист, фигурирующий под собственным именем уже в добром десятке питерских повестей и романов (ярок, хорош – писатели пленяются), не одно поколение соблазнил платиновым блеском своего изошрённого ума, но принял ли кто-нибудь от него главный завет, знаменитую «честность самоотчёта»? Себе врать не смей, учит сын военного лётчика Куприяна. Вот что ты сегодня сделал, прочёл, осмыслил? Где твоя чаша Грааля? Ничего не сделал и не осмыслил?

Тогда хоть почитай Секацкого, что ли.

Как я развалила Советский Союз

До 1991 года я за границей не была (если не считать студенческую поездку в Венгрию с актёрами курса эстрады, которые научили меня всему, что должен уметь образованный театральный человек – а именно, пить водку, не меняя выражения лица и ругаться матом в рифму). А в роковом девяносто первом мой муж получил синекуру в Гарвардском университете – что-то вроде полугодовой аспирантуры. Он прилежно учил английский, прервавшись в дни путча на общенациональные переживания, а я беспечно пасла годовалого ребёнка, время от времени совершенствуя умения, переданные мне актёрами курса эстрады. Хотя американская мечта позволяла моему мужу взять с собой жену, мне в это как-то не верилось. Чтоб вот так сразу и в Америку? Надо же как-то постепенно... начать, например, с Дании...

Договорились, что я прилечу в декабре. Муж оставил мне приятную даже на вид сумму денег и огромное количество вспомогательных телефонов. Гуд бай, май лав! И тут обнаружили два обстоятельства.

Во-первых, сила притяжения родной земли угрожающе возросла. Я не могла получить ничего – ни визы, ни билетов. Нужные люди заболели, убывали, пропадали просто так, без предлога. Было ощущение, что я очерчена магическим кругом. Во-вторых, как известно, в Советском Союзе

была материя двух видов – «продтовары» (еда) и «промтовары» (всё остальное), и если промтовары исчезли в 1990-м, продтовары стали нас покидать как раз в 1991-м. С коляской и рюкзаком за плечами, я с утра отправлялась за едой, которая могла появиться внезапно в любом месте и тут же испариться. Однажды после двухчасовой охоты мне удалось добыть феноменальный продуктовый набор: миноги и хурму. Это не была голодная смерть, но это была очень затейливая жизнь – питаться несколько дней миногами и хурмой!

Наконец виза была получена, но билетов в Америку не было никаких до конца года. Я купила карту мира и задумалась, обнаружив Берингов пролив. Возникла идея попасть в Америку со стороны этого пролива, поскольку виза-то у меня была и меня обязаны были пустить! Однако никаких путей сообщения возле пролива не пролегало. Собаки? Олени? Местное население? Водка нужна! – так размышляла я, сидя за столиком в Доме кино и обсуждая ситуацию с товарищами. Постепенно моя горестная фигура стала достопримечательностью Дома кино.

– Вот, – показывали на меня, сидящую, как всегда, за картой мира. – К мужу хочет...

В общем, однажды возникли Люди. Двое. Они приказали мне 22 декабря ехать с ними в аэропорт, хотя они ничего гарантировать не могут. Как была, в джинсах, с дамской сумочкой, в разбитых ботиках и шубе из неизвестного зверя, я с Людьми приехала в аэропорт. Мы погасили в машине свет

и сидели часа два. Люди вели разговоры. Я такого больше не слышала никогда.

– Ты думаешь? – спрашивал Первый у Второго.

– А что тут думать? Тут думай не думай, дело ясное. Думать он собрался.

– Ну, это как сказать. Возможен и другой путь. Не так всё просто.

– Другой путь – он, знаешь, где? Не смей меня. Нет, вот сколько тебя знаю, ты в своём репертуаре.

Так прошло два часа. Внезапно Второй сказал Первому: «Пора выдвигаться». Они ушли, а через сорок минут я сидела в самолёте, не понимая ничего. Помню, что кто-то вдруг выкрикнул мою фамилию, помню пачку денег, которую я сунула Людям... Самолёт летел, я наливалась неизвестными дринками и дремала, оглушённая событиями...

... Чёрный таможенник, грозный и приветливый, как дух Америки, посмотрел на меня вопросительно. Я улыбнулась и показала на сумочку – единственный мой багаж. Так я прибыла в Америку – без багажа, без копейки денег, в драных джинсах. Духу Америки это явно понравилось. Добро пожаловать! – сказал он мне, посмеиваясь.

Ну, что будем делать? – спросил меня уже совсем американизированный муженёк. Он был в мексиканском свитере и с длинными волосами – не стригся из экономии. (В другое время я бы сказала ему всё, что надо, но он опоздал к залу ожидания минут на двадцать, и вы можете себе предста-

вить, что я за это время пережила и каким спасителем оказался он мне, так что было не до волос.) Я вспомнила, как ведут себя американские туристы в России (Водка, Кремль, икра, балалайка) и дала симметричный ответ: «Статуя Свободы. Бродвей. Кино. Попкорн!» И мы пошли по плану. Ботики мои попали в урну в первый же день моей американской жизни. После питания миногами в замёрзшем отечестве, мне понравилось в Америке вообще – всё.

А через неделю, в гостях у нью-йоркских друзей, мы посмотрели новости из дома... Вот оно что. Вот почему держала меня родная земля. Стоило мне уехать, как развалился Советский Союз!

Смутное чувство вины я заглушила ударным трудом. В конце концов, преступление недоказуемо. И вообще, во всём виноваты те Двое, из машины, которые меня пропихнули в самолёт.

Где-то они теперь, голубчики мои?

Идиотки

Современные цивилизованные женщины склонны к публичному самовыговариванию, это факт. Так много и охотно про себя и своё им не приходилось говорить никогда. Женское самосознание – прежний удел одиноких монстров – льётся водопадом из всех средств массовой информации, и большинство женских книг написаны от первого лица. Многое здесь по-настоящему интересно и познавательно. Но куда больше вестей мы получаем из царства пошлости. Почему-то это странным образом злит и обижает: вот точно как-то надежда была на женщин, пока они молчали. Кажется, там живёт какая-то чудесная музыка, которую не пересказать обычными словами. Но вот Прекрасная дама открыла рот – и оказалась Бриджит Джонс.

В мире гламура книгу про Бриджит Джонс цитируют куда чаще Библии. Тихая дурочка, страдающая хроническим алкоголизмом (пьёт она 250 дней в году) и острой ненавистью к контурам своего тела (при весе в 130 фунтов, то есть 59 кг, Джонс вопит об ожирении), пришлась по вкусу дамскому миру именно из-за чистоты своего идиотизма. Даже обладательницы небольшого ума чувствовали, как далеко они ушли по лестнице эволюции, чем скорбная головой Джонс. Наверное, дневник краба или синицы был бы более содержательным, чем этот реестр вздора, летопись пустяков, хроника

бессмыслицы. Мужчине, который вдруг вздумал бы заглянуть в эту книгу, анонс обещает раскрытие тайны загадочной женской души, и действительно – тайна древней загадки выясняется без труда.

Тайна заключена в молчании женщин. Это дивное оружие когда-то вручила им природа-мать, из любви к своим бедным девочкам. Молчание окутывает присущую большинству женщин естественную недостаточность рационального сознания (в которой они никак не виноваты – недостаток сознания у женщин необходим для их выживания) своим хитрым золотым покрывалом. Та, что откидывает покрывало, рискует предстать пред миром в ужасающей наготе своего маленького бедненького ума, где главными вопросами являются – есть или не есть сегодня шоколадку и почему Джон/Иван не звонит после первого раза. Детка, хочется сказать ей ласково, ешь ты шоколадку или не ешь, один хрен, Джон/Иван всё равно не позвонит после первого раза, потому что вас, идиоток, много, а он один. Но это не поможет. Трагедия полу-сознания, недо-сознания в том и заключена, что на рациональный, самовыговаривающийся лад перестроился какой-то небольшой кусочек мозга и устроил нечто вроде диктатуры – круговой клетки, по которой всё ходит, и ходит, и ходит несчастное женское «Я». И всё будет одно и то же – подсчёт калорий, диеты, подруги, алкоголь, тряпки, на смену Джон/Ивану придёт неотличимый от них Майкл/Максим... Бриджит Джонс тридцать лет, а она дитя, невыросшая

девчонка. Сто лет назад она вышла бы замуж за соседского парня и к тридцати годам была матроной, матерью двух-трёх детей. А что сейчас? Ни пава, ни ворона. Выбилась из традиционного круга жизни и попала в клетку полу-сознания.

Книги в духе «Бриджит Джонс» есть теперь и у нас. Тип героини в них несколько отличается от европейско-американского: нет честности самоотчёта, протестантского трезвого самоанализа. Бриджит по крайней мере и сама знает, что она идиотка. Наши же идиотки любят возвеличивать себя и любоваться собой (скажем, героини Оксаны Робски), особенно если получилось выбиться с проспекта Большеви́ков аж на Рублёвское шоссе. Человек с развитым сознанием не может принять Рублёвское шоссе в качестве земного рая, это рай для идиотов, к тому же идиотов аморальных, превративших жизнь в источник сладких ощущений. Корысть, нечистоплотность и хищные повадки всегда отличали буржуазную женщину, но как долго у неё хватало ума тихо обдѣлывать свои делишки и молчать об этом! Всё – ум у женщин закончился, тот тайный природный ум, который подсказывал им: *делай да помалкивай*. А другой, настоящий, Богоподобный разум достаётся немногим.

Тихих дурочек вроде Джонс даже как-то жалко – писательница наградила её в финале богатым мужем, но мы же знаем правду. Какие уж там мужья у тридцатилетних алкоголичек. Хищных аморальных тварей, вроде героинь Робски, не жалко совсем. Они Вселенную сожрут и не подавятся. Но

в целом положение дел с женским самовыговариванием настораживает. Своей настоящей силы женщины с полу-сознанием не понимают. Пишут плохо, говорят ещё хуже. Часто видишь: идёт красавица, волосы льняные, глаза небесные, открывает рот – и плоским, глупым, резким голосом верещит что-нибудь вроде: «Ну, блин, они офигели, ваще!». Это всё читательницы Робски и Филдинг. Нет, если в числе женских приоритетных задач по-прежнему фигурирует задача склонения мужчин к половому акту, то лучшего оружия, чем мудрое молчание, вручённое природой, не найдёшь. Девочки, молчите. Не рассказывайте про свои диеты, помады, телефонные мучения, не выдавайте жалких своих секретиков. Запирайте свои космической глупости журнальчики в кладовке, чтоб ваш бойфренд не дай бог не открыл и не прочёл. Включите телек, а там женское ток-шоу: сразу выключайте. Ничему хорошему вас не научат ни Лолита, ни Оксана, ни прочие демоницы. Никогда не говорите своего мнения ни о чём увиденном и просмотренном. Не пишите дневников. Книг тоже не пишите – книги пишут не женщины, а монстры в женском обличе, вроде меня. Я за вас напишу. За нас, за монстров, беспокоиться не надо – мы своё возьмём без вариантов. Не ходите за нами – наш путь угрюм и одинок, и нам особый закон положен. А вы, дочки природы-матери, будьте, как облака, как озёра, как цветы или грибы – прекрасны без слов. Эта заболтанная цивилизация вас погубит, всё отнимет – и ничего не даст взамен. Слушайте музыку, играйте с

детьми, приобретайте хорошую профессию, любите мужчин просто так, без рассуждений.

Не превращайтесь в говорящих идиоток.

Вольно!

Вспоминая девяностые...

Однажды мне довелось увидеть Бориса Абрамовича Березовского.

Это случилось 9 ноября 1998 года. В Москве, в помещении верхнего буфета театра имени Моссовета, после спектакля «Горе от ума». Там Олег Меньшиков праздновал свой день рождения, и вот, желающие поздравить артиста прибыли и соединились в некое общество. По тем временам – высшее. Судите сами: Никита С. Михалков, Борис А. Березовский с женой Еленой, писатель Виктор Пелевин, драматург Евгений Гришковец, артисты Нонна Мордюкова, Александр Балуев, Владимир Ильин, Евгений Миронов, литератор и жена А. Вознесенского Зоя Богуславская и многие другие. Почти что бал! У всех приближённых к принцу Грёзе было приподнятое настроение.

Автор «Чапаева и пустоты» держал Меньшикова за руки и, почему-то поминутно целуя его то в левую, то в правую щеку, пытался рассказать буддистскую притчу про ад цветных металлов, который предназначен специально для актёров. «Но это к вам не относится!» – патетически восклицал писатель, мужественно удерживавшийся на ногах, тогда как

всё его измученное многолетней интоксикацией тело молило хозяина об ином. Михалков, с трудом вытерпевший часа полтора всеобщего внимания не к себе, наконец не выдержал и отправился к роялю петь песни Шпаликова, властной рукой оттянув жар вечеринки от чужих чёрных глаз к своим зелёным. А Борис Абрамович сказал тост в честь артиста, запомнившийся, кстати, Пелевину, потому что тот вставил кое-что из этого текста в свой роман «Поколение П.».

Березовский был таким же, как на экране телевизора – маленький, аутичный, кажущийся печальным, ничего не излучающий. Он поблагодарил Меньшикова за доставленное сегодня удовольствие. «Я даже не заснул, как обычно, – признался олигарх. – Вы, Олег, уносите нас в прекрасное, фантастическое царство, где мы забываем, насколько мерзка жизнь... – Тут Березовский саркастически и скорбно засмеялся. – Вы даже не представляете, насколько она мерзкая, эта жизнь...» И он выдержал хорошую артистическую паузу, чтобы мы представили, насколько мерзка жизнь.

Впервые за весь вечер я почувствовала раздражение. «Может, это именно ваша жизнь мерзка?» – хотелось мне спросить у Бориса Абрамовича. Я архаична и не люблю, когда стреляют в солнце, плюют в воду и обзывают жизнь. В тот день я была весела и счастлива. «Горе от ума» с Меньшиковым я, бедняжка, смотрела пятый раз...

Я вспоминаю, как в восьмидесятых, учась на театроведческом факультете, придумала фантомную писательницу по

имени Аграфена Свистунова и сочиняла для местной стенгазеты разные интервью от её имени. Например, её спрашивали: «Аграфена Ивановна, а вы страдали при советской власти, в эпоху застоя?», на что моя девушка отвечала: «Да, конечно, страдала. Молодой человек, на которого я рассчитывала, на мне не женился, а женился совсем другой, на которого я, признаться, совсем не рассчитывала». Вот и про девяностые годы я могу сказать – это для меня годы личной, собственной, никому, кроме Бога, не подотчётной, свободной жизни. С множеством страданий и радостей, с потерями и обретениями. И рассуждая про эти годы, про их вкус и цвет, надо понимать – для каждого человека, для каждой семьи тут своя история.

История того, как мы распорядились дарами – например, свободой слова, которая реально была нешуточной, свободой передвижения и свободой зарабатывать, личным временем, своими талантами, у кого они были. С меня же на Божьем суде не спросят ни за Ельцина, ни за Березовского. С меня спросят за меня.

В 1990 году родила я ребёнка Николая. Это был занятный год. Зарплаты стали расти, а «промтовары» (так в СССР назывались все несъедобные вещи) исчезать. Народ бегал по магазинам и скупал всё – отрезки тканей, постельное бельё, драгметаллы, посуду. Я, помнится, тоже решила принять участие в общем процессе. Деньги были. Я купила ярко-красный кооперативный джемпер с люрексом, обтянуто

бархатом брошку с розочками в дивном мещанском стиле и полотенце с множеством цветных полосочек. Все эти вещи живы до сих пор. Не то чтобы я была непрактична, как чокнутый профессор, – я вела свой корабль довольно уверенной рукой. Другое: какое-то дурацкое, необъяснимое чувство, что «а, пустяки, обойдётся». Дал Бог ротик, даст и кусочек. Проживём!

Тем более у меня была такая роскошь, как живой собственный муж, и муж шевелился, зарабатывал – в 1992 году мы меняем квартиру. Блочную распашонку на первом этаже в Купчине – на трёхкомнатную (фактически четырёхкомнатную) на Петроградской стороне, доплата – три тысячи долларов всего. Пару лет квартира стоит как игрушечка, потом начинается обвал – последние пионеры, что мы понимаем в ремонтах? Да что мы все вообще понимаем в том, как теперь жить в этой самой свободной России?

Я – мать, жена, у меня двое детей на руках, мальчишки. За муж я вышла в 1988 году, в солидном уже возрасте – мне было 29 лет. Стало быть, разбойничьи девяностые – моё золотое время. Я ничем не болею вообще, только толстею потихоньку. Мне повезло, я знаю – я из меньшинства, из тех, кто живёт по своей воле, и, в силу особенностей своей личности, я остро и, может быть, чрезмерно, переживаю жизнь всем чувственным аппаратом. Поэтому наиболее адекватно передала бы мои переживания какая-нибудь песенка, где в куплете – тоска зелёная, а в припеве – бешеное веселье.

Один за другим уходят «отцы», покровители, помощники, те, кто заботился, пестовал, бескорыстно тратил время. В 1996 году умирает мой драгоценный учитель, Евгений Соломонович Калмановский, оригинальный мыслитель, театровед и писатель. В этом же году – Анатолий Яковлевич Альтшуллер, возглавлявший сектор источниковедения в Российском институте истории искусств, где я тогда работала. 1999 год уносит родного папу, Владимира Евгеньевича. «Серёжа, – сказала я как-то мужу в тоске. – Смотри, мы остаёмся за старших, а какие из нас на хрен старшие?!» Некому жаловаться. Некогда плакать. Надо заполнять огромную пустоту, *русскую дырку*, заполнять её собой, своим дыханием, словами, письмами, страстями, делами, мыслями, песнями – иначе она сожрёт тебя. Пока о свободе только мечтали, не могли разглядеть в цветном тумане её другого лица – вызывающего тоску и страх. В общей русской судьбе – всё злило, мучило, оттого что – не исправить, не повлиять. И надо с этим жить, с этим и с этими – с людьми с этими, бок о бок. А они такие противные, Господи! А других нету, вот как.

Всё, что выползло и раскорячилось на русской дороге в девяностых – выползло из-под черепа рождённых в тридцатых – восьмидесятых. Гигантская проекция всех скрытых комплексов советского человека, фантасмагорическая реализация грёз «начальников» и полная сбыча мечт бывшей «сферы обслуживания». *Их домики, их песенки, их киношка, их мораль, их вкусы вообще.* К сожалению, это мусор. К сожа-

лению, потому что мещанский стиль может давать эстетически ценные плоды, но обывательский угар девяностых оказался бесплоден. Подвёл излишний размах, русский беспредел. Фикус хорош в горшке, на окошке домика. Фикус, отличный в бронзе, двадцати метров вышиной, стоящий на главной площади городка, решительно нехорош. Обыватель, вырвавшись на свободу, потерял уют, меру, цель (затаиться и выжить), потерял место в иерархии. Потому что больше не было иерархии. Плевать ему было на Родину вообще. Это отдельные публицисты, верные пациенты доктора Чехова, волновались о том о сём. А люди посмеивались в усы и прибирали что где плохо лежало. А запустение России продолжалось. К руинам русской православной цивилизации стали добавляться руины русской советской. Неужели я дожила до *обратите внимание – перед вами остатки пионерского лагеря?* – невероятно. Не может быть. Я не любила яркие, фасадные приметы советского строя – лозунги, плакаты, статуи, демонстрации. Это был кислый, неуклюжий дизайн, выполненный циничными мастерами без задора, скучно и аляповато. Но другие, не фасадные, а реальные ценности исчезающей советской цивилизации было жаль отчаянно – действительную грамотность, «книжность» населения, тип человека-правдолюбца, поучительный, чистый кинематограф, реалистический жизнеподобный театр... При этом было очень приятно познакомиться с продуктами, которые явились на Русь дружной вереницей, от авокадо до яиц перепелиных.

Началось великое соитие с товарами и услугами. Материя взяла реванш. Дух потеснился – а сочетать и то и другое мы пока не умеем. Мы, в сущности, варвары, ужасно неловкие, косолапые. Или авокадо, или в библиотеку – а так, чтоб вместе?! Как это?!

Ну, Бог с нами. Я всё хотела дописаться до Бога, мудрствовала о Боге. В 1995 году совершила каторжный, монастырский труд: завершила исследование «Бог в творчестве А. Н. Островского». Четыре авторских листа и приложение. В приложении была таблица – я подсчитала, сколько раз в каждой пьесе Островского упоминается «Бог». Три месяца жизни, ни капли алкоголя. В июле этого же года довелось мне креститься – и самым чудесным образом.

Никита Михалков вывозил часть гостей Московского фестиваля на Волгу, к Макарьевскому монастырю. Весёлый самолёт, набитый именитыми гостями, среди которых красовался и сам Ричард Гир, тогда слывшийся звездой, прибыл в Нижний Новгород. Нас покормили и погрузили на корабль, который всю ночь болтался по Волге, изображая далёкое путешествие, – на самом деле до монастыря от города плыть около двух часов. Все мероприятия с Никитой Сергеевичем напоминают «День сурка», включающий обязательные элементы – казачьи песни, возлияния, соло про шмеля. Это хорошо, напоминает вечность, пиры богов. Там тоже нет ничего нового. Вот, значит, мы веселились всю ночь, а утром приплыли к Макарию на Жёлтых Водах. И пошли под шат-

ры, где разливали уху в деревянные миски, и опять запел казачий хор. И тут муж Серёжа вдруг спросил: «Матушка, а ты креститься не хочешь?» Пошёл, пошептался что-то с Лидией Федосеевой-Шукшиной, с матушкой-настоятельницей – и взяли и окрестили меня, в монастыре, в воскресенье! Долго, подробно, как по чину следует. И в жёлтой – действительно – местной воде искупали меня. Чуть на свой пароход я не опоздала – но матушка-настоятельница замахала платком, и корабль вернулся. Грянуло солнце с неба, а по трансляции громыхал шаляпинский бас. Передо мной расстилась Волга, за спиной был родной монастырь. Я глотала холодное сладкое шампанское и плакала. Моя Россия, ты не оставила меня, ты здесь, ты со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.